

Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова...

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.
Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834--1836. Дмитрий Калинин.
Вступит. статья к собр. соч. Н. К. Гея.
Статья и примеч. к первому тому Ю. В. Манна.
Подготовка текста В. Э. Богграда.
М., "Художественная литература", 1976
[OCR Бычков М. Н.](#)

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ БРЕДНИ И ЗАПИСКИ ДОРМЕДОНА ВАСИЛЬЕВИЧА ПРУТИКОВА.
Москва. В типографии Н. Степанова. 1836. Две части: I - IV, 263; II - 306. (12). С эпиграфом:

За все прочее, пожалуй, бранитесь,
Лишь за правду не сердитесь.

Автор этой книги говорит в своем предисловии:

Я не романтик, не классик; нет у меня ни эффектов, ни потрясений, ни смертоубийств, даже ничего нет фантастического? что же это такое? Безымянный выродок. Вот, скажут, автор не знает эстетики: нет ничего трансцендентального, индивидуального, объективного, штиль не новый, слог простой и рубит сплеча.

Вот какие речи отпустил нам Дормедон Васильевич! Мы, с своей стороны, скажем только то, что в его "Записках" в самом деле нет ни идеализма, ни трансцендентализма: в них, напротив, абсолютный нигилизм с достаточною примесью безвкусыя, тривияльности и безграмотности. Стиль, или, как говорит автор, *штиль* его не новый: это правда; его слог допотопный, ископаемый, его язык есть язык Тредиаковского, Симеона Полоцкого, Сумарокова. Его слог, говорит он, простой и рубит сплеча: правда, он точно уж чересчур простоват, а как он рубит сплеча, об этом судите сами по отрывку следующей курьезной пьесы.

Был, изволите видеть, майор Трубин, которого дернуло жениться в сорок пять лет на молодой девушке; у майора был любимый денщик, Козмич, обладавший столь великим умом, сколько прилично иметь денщику. Через пять лет после своего брака майору надо было куда-то отлучиться с своим денщиком. После этого вступления вам будет понятен следующий отрывок, который выписываем слово от слова, без всяких перемен:

"Мне минуло пятьдесят лет, - рюмил про себя майор. - Так и быть. Я должен это помнить и беспрестанно благодарить бога, что он наградил меня сокровищем. У меня жена бесценная, но мне пятьдесят лет - и я должен остерегаться. - Ну если..." Тут опять майор задумался. Сия задумчивость была не из *тех*, *которая* в *златом* виде нам все предметы *представляет*. Отъехав версты три, вдруг остановил он своего коня и верному своему шталмейстеру Даниле Козмичу дал следующий приказ: "Воротись, брат Козмич, домой". - Надобно вам сказать, не прерывая речи, что майор своего слугу почти всегда братом Козмичем называл, хоть это ныне и не водится, однако он во всю жизнь свою от этой странной привычки отстать не мог, и что, может быть, удивит более всего, это то, что он не иначе почитал двуногое творение, человеком называющееся, как за себе подобного. "Итак, брат Козмич, воротясь домой, - сказал майор, - скажи жене, чтоб она сегодня сидела дома и отнюдь никого не принимала. Признаться тебе, мне что-то не хочется, чтоб она без меня одна оставалась. Итак, воротись домой, а потом догоняй меня скорее"... Козмич, услышав баринов приказ, остолбенел! - Майор повторил свою речь. Козмич ни с места. Майор спросил: "Разве ты, Козмич, не слышишь?" - Козмич заставил себе опять повторить и тут пробормотал что-то про себя. "Ну что ж ты стал?" - вскричал майор. - "Помилуйте, сударь, что вы над собой делаете!